

7. *Kim Jun Duk*. Dinamika balansa sil mezhdu SShA, Rossiej, Kitaem i Japoniej na Korejskom poluostrove / *Otv. red. V. F. Li*. M.: Nauchnaja kniga, 1996. 244 s.
8. *Narochnistkij A. L., Guber A. A., Sladkovskij M. I., Burlingas I. Ja*. Mezhdunarodnye otnoshenija na Dal'nem Vostoke. Kn. I. S konca XVI v. do 1917 g. / *Otv. Red. E. M. Zhurov*. M.: Mysl', 1973. 326 s.
9. *Noskov I.* Otnoshenija russkih k kitajtsam i korejtsam (otryvok iz puteshestvija po amurskoj strane) // *Pervye izvestija o Koree v Rossii (1675–1884)*. M.: Pervoe marta, 2010. S. 82–84.
10. *Pak B. D.* Rossiya i Koreya. M.: In-t vostokovedenija RAN, 2004. 520 s.
11. *Piskulova Ju. E.* Rossijsko-korejskie otnoshenija v seredine XIX — nachale XX vv. M.: Vost. lit., 2004. 152 s.
12. *Polutov A. V.* Desantnaja operatsija japonskoj armii i flota v fevrale 1904 g. v Inchhone. Vladivostok: Russkij ostrov, 2009. 472 s.
13. *P(os'et) K.* Iz «pisem s krugozemnogo plavanija» // *Pervye izvestija o Koree v Rossii (1675–1884)*. M.: Pervoe marta, 2010. S. 58–62.
14. *Przheval'skij N. M.* Puteshestvie v Ussurijskom krae. Mongolija i strana tangutov. M.: Drofa, 2007. 310 s.
15. *Simbirheva T. M.* Koroleva Min (1851–1895): put' k vlasti (biograficheskij ocherk po knige Ts. Fusaako «Ubijstvo korolevy Min») // *Voprosy istorii Korei*. Peterburgskij nauchnyj seminar. 2001 / *Pod red. S. O. Kurbanova*. — SPb.: Fond vostochnyh kul'tur, 2002. S. 68–85.
16. *Torgovoe i ekonomicheskoe polozhenie Korei* // *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov*. Izdanie Voenno-Uchenogo komiteta Glavnogo SHTaba. Vypusk 17. SPb.: Voennaja tipografija (v izdanii Glavnogo SHTaba), 1885. S. 1–35.
17. *Ju Ben En*. Vneshnepoliticheskaja strategija Velikobritanii i korejskij vopros: Politologicheskij analiz / *Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk*. — M.: In-t aktual'nyh mezhdun. problem, 1998. 18 s. — Rezhim dostupa: <http://search.rsl.ru/ru/catalog/record/276391>
18. *Finch M.* Min Yong-hwan: A Political Biography. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2002. 256 p.
19. *Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States*. Vol. 1. The initial period, 1883–1886 / *ed. By G. M. McCune, J. A. Harrison*. — Berkeley, LA: University of California Press, 1951. 164 p.
20. *Reordan R. E.* The Role of George Clayton Foulk in United States-Korean Relations, 1884–1887. New York: Fordham University, 1955. 630 p.

Д. В. Надсадный

**ПОМОЩЬ БЕЖЕНЦАМ В ПЕТРОГРАДЕ
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
И ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ГОРОДОВ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ
И РАНеныМ ВОИНАМ (1914–1917 гг.)**

Автор рассматривает деятельность органов Петроградского городского самоуправления и городского комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам по организации помощи беженцам во время Первой мировой войны до начала 1917 г. Выделены этапы развития этой деятельности, рассмотрены особенности каждого из них. Сделан вывод о центральной роли муниципальных благотворительных учреждений в процессе ассимиляции десятков тысяч беженцев в городскую среду.

Ключевые слова: беженцы, благотворительность, Всероссийский союз городов, общественное призрение, Первая мировая война, Петроград.

D. Nadsadnyi

**Assistance to Refugees in Petrograd During World War I:
Activities of the municipality and All-Russian Union of Cities for the Relief
of Sick and Wounded Soldiers (1914–1917)**

The article is devoted to the activities of Petrograd self-government institutions and city Committee of the All-Russian Union of Cities for the Relief of Sick and Wounded Soldiers for assistance to refugees during World War I at the beginning of 1917. The stages of the development of these activities are examined and features of each of them are described. A conclusion is drawn that the municipal philanthropic institutions played a central role in the process of assimilation of tens of thousands of refugees in the urban environment.

Keywords: refugees, charity, All-Russian Union of Cities, public assistance, World War I, Petrograd.

В последние двадцать лет к истории беженства Первой мировой войны неоднократно обращались отечественные и зарубежные исследователи, в том числе: А. В. Ильин [7], А. Н. Курцев [8], П. Гатрелл [4], В. С. Утгоф [20], Д. Г. Цовян [30] и другие. В этих исследованиях акцент в основном делается на изучении беженского движения и организации государственной и общественной помощи беженцам, а также национальных беженских организаций на общероссийском уровне. Поэтому перспективным представляется углубленное изучение темы на региональном уровне с привлечением архивных материалов местных архивов. Данная статья представляет собой попытку раскрыть некоторые аспекты организации помощи беженцам в Петрограде на основе анализа ранее не использовавшихся документов Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) С.-Петербурга и опубликованных источников.

С проблемой беженства городское самоуправление Петрограда столкнулось уже в самом начале войны. В конце июля — начале августа 1914 г. городским властям пришлось обратить внимание на русских подданных, возвращающихся из-за границы. 30 июля 1914 г. городской голова граф И. И.

Толстой записал в своем дневнике: «Пришлось направить внимание на возвращающихся в огромном числе русских, застрявших в Германии и Австрии. Отношение к нашим соотечественникам совершенно непонятно и возмутительно: немцы озверели, <...> оскорбляют женщин, бьют мужчин и всех, <...> грабят начисто» [19, с. 586]. По данным особого городского присутствия по разбору и призрению нищих, которому было поручено заниматься оказанием помощи подобным лицам, за август — декабрь 1914 г. в его распоряжение поступило 3163 «эмигранта» и 112 беженцев с театра военных действий [6, с. 1409]. В январе — феврале 1915 г. обратились еще 1251 человек (312 беженцев и 938 «эмигрантов»). На 8 марта 1915 г. в ведении присутствия находилось 206 беженцев (99 мужчин, 47 женщин и 45 детей) и 15 «эмигрантов» [24, л. 10–22].

Принимать значительные массы беженцев город не собирался. На запрос Двинского комитета Всероссийского союза городов о том, «можно ли беженцев из пограничных губерний отсылать в Петроград для приискания работ» [23, л. 3], 15 января 1915 г. последовал ответ, что пока следует «признать направление беженцев в Петроград

нежелательным, так как это поведет к скоплению безработных, нуждающихся в поддержке» [23, л. 1]. Тем не менее, с середины июля 1915 г. начинается наплыв беженцев в Петроград. Сотни тысяч городских и сельских жителей двигались вглубь страны, не желая оставаться на территориях, занятых врагом. Увеличению числа беженцев способствовала и политика военных властей по принудительному выселению, вывозу или уничтожению запасов продовольствия, скота и материальных ценностей на оставляемых территориях [8].

16 и 18 июля вопрос о беженцах обсуждался на особом совещании в Городской думе. Присутствовали гласные, представители национальных благотворительных организаций и Комитета великой княжны Татьяны Николаевны «для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий» (Татьянинский комитет). Был образован городской комитет по оказанию помощи беженцам под председательством городского головы графа И. И. Толстого. В его состав вошли гласные Думы (В. И. Штейнгер, М. М. Федоров, В. В. Степанов) [19, с. 778–779], представители польских, латышских, литовских и еврейских национальных благотворительных организаций (В. Е. Лашкевич, пастор И. Сандерс, Г. И. Люткевич, И. А. Абельсон) [12]. 24 июля главноуполномоченный по устройству беженцев на Северо-Западном фронте С. И. Зубчанинов предложил И. И. Толстому принять обязанности уполномоченного по Петрограду с выделением 250 тысяч рублей в его распоряжение [13].

В первое время отмечалась явная растерянность и неподготовленность городских властей к приему беженцев, но после обычной российской неразберихи дело стало более или менее налаживаться. «В частности, у нас в Петрограде они [беженцы] встретили полный организационный хаос. Мало-помалу этот хаос улегся в организационные рамки, благодаря совместным усилиям общественных сил, но немало живой чело-

веческой крови стоила эта организационная неурядица» [31, с. 558]. Похожую картину констатировала пресса: «Для беженцев городское управление даже не приготовило кроватей. Спят на полу с малыми ребятами, больные, изнеможенные. Первое впечатление, что эти люди всеми забыты и никому до них нет дела. <...> Печать равнодушия и какой-то отчужденности лежит на всем, что делает город для беженцев» [14].

Под временные городские общежития (убежища) были приспособлены здания присутствия по разбору и признанию нищих, ночлежные дома, здания пакгауза Сухопутной таможни у Нарвской заставы, шоколадной фабрики «Глория» в Литовском рынке и другие. В общей сложности удалось приспособить помещений на 2636 человек [18, с. 73–78]. Беженцев с вокзалов направляли в особое присутствие, где их регистрировали и выдавали особые билеты — «беженские книжки». «По предъявлении этих билетов беженцам на пункте бесплатно отпускается в 8 часов утра чай, потом обед из двух блюд (суп, каша и т. д.), вечером — ужин, также из двух блюд» [15]. С 10 июля по 30 ноября Центральный регистрационно-распределительный пункт пропустил 39 651 беженца [9, с. 163].

В начале августа основную работу по устройству беженцев взял на себя Петроградский городской комитет Всероссийского союза городов (ВСГ). 19 августа был образован специальный XII отдел Комитета для оказания помощи беженцам в Петрограде. 26 августа руководство отделом принял на себя городской голова И. И. Толстой. Его заместителем стал С. В. Иванов (председатель Городской думы), а уполномоченными — К. И. Ануфриев (заведовал Центральным регистрационным пунктом), М. И. Гучкова (встреча беженцев на вокзалах), Г. Ф. Лабазин, графиня С. В. Панина (центральное справочное бюро городских попечительств), В. В. Степанов (городская Биржа труда) [27, л. 262; 269 об. — 270].

2 сентября отделу был открыт кредит в 250 тысяч рублей из средств ВСГ, а также избраны еще двое уполномоченных — педагог и общественный деятель В. А. Герд, возглавивший исполнительное бюро отдела, и В. Н. Новиков. До конца 1915 года городской комитет получил еще 800 тысяч рублей от Особого совещания по устройству беженцев и 381 тысячу от Татьянинского комитета [1, с. 147].

«Второй эшелон» муниципальных учреждений составили заведения городских попечительств о бедных. К началу сентября 1915 г. в попечительствах было организовано 58 квартир для беженцев на 1482 койки. К ноябрю 1915 г. 7227 беженских семей получали помощь от попечительств [5, с. 78]. К началу 1916 г. на учете городских попечительств о бедных состояло 29 445 человек или 10 134 семейных единиц (5702 мужчин, 11 780 женщин, 11 963 детей). Еще 9311 человек призревалося национальными организациями и Татьянинским комитетом [22, л. 2].

В основу призрения была положена «индивидуальная система», применявшаяся попечительствами при оказании помощи городским беднякам и семьям призванных из запаса солдат. Каждая беженская семья обследовалась и получала помощь строго в соответствии с выявленными нуждами: денежные пособия, «приискание работы, <...> право пользоваться столовой, помещение детей в приюты, <...> помощь на квартиру» [22, л. 3]. Беженцы в общежитиях получали либо деньги на питание (30 копеек на взрослого в день и 18 копеек на ребенка), либо бесплатный попечительский обед. Попечительства могли комбинировать денежные выдачи и питание. Так, в 11-м городском попечительстве (1-й и 2-й полицейские участки Рождественской части) в одном из четырех общежитий «деньги выдаются на руки платной заведующей и она, при помощи кухарки, выбранной из среды беженцев, живущих в этом убежище, питает их». В другом, населенном уча-

щейся молодежью, деньги на всех получал выборный староста, а в остальных двух деньги получала каждая семья индивидуально. «Территориальные беженцы», снимающие углы и комнаты вне общежитий, получали 30 рублей единовременно на одежду и «первоначальное обзаведение» и по 5 рублей ежемесячного пособия [32, с. 564–565].

Жизнь таких беженцев была достаточно тяжелой: «Можно ли питаться на 48 копеек матери с одним ребенком, когда цены на продукты возросли на 50%. Правда, есть общественные столовые. Но позаботились ли об одежде беженцам, чтобы они могли с детьми идти в харчевню пообедать за 10 копеек и не рисковать замерзнуть. <...> Но все же эта категория беженцев, которая живет в общежитиях, — счастливы в сравнении с территориальными. Эти ютятся в углах без одежды, обуви, без дров. Есть квартиры, где температура ниже 0°, а входная дверь с внутренней стороны покрыта льдом» [31, с. 562].

Существенная роль отводилась городской бирже труда. По данным беженского отделения биржи, начавшего свою деятельность в августе 1915 г., за этот месяц туда обратилось 3503 человека (2905 были направлены на работу). В сентябре было 4309 обращений (3286 направлены на работу), в октябре — 3759 (2859 направлены на работу), в ноябре — 1495 (1161 направлены на работу), а в декабре — всего 732 обращения (614 направлены на работу) [11, с. 22–23]. Облегчало задачу трудоустройства то, что большое количество промышленных предприятий, в том числе и оборонных, требовали значительного числа рабочих рук: «Мужчины-ремесленники и рабочие весьма быстро получают работу. Мало того, рабочих и ремесленников перехватывают разные агенты, вербующие рабочих и ремесленников» [2].

К концу 1915 г. поток беженцев иссякает. По данным Особого отдела по регистрации беженцев Татьянинского комитета, на 20 де-

кабря 1915 г. в Петрограде находилось 84 074 беженца [21, л. 71–73 об.]. К 29 февраля 1916 г. в столице было зарегистрировано 100 704 беженца (44 тысячи мужчин и 56 тысяч женщин). Основная масса прибыла из губерний Северо-Западного края и Прибалтики (в том числе 22 тысячи человек — из Риги) [10, с. 17; 26–27; 30]. За 1915 год через муниципальные учреждения получили разные виды помощи 44 736 человек, или около 45% от общего числа беженцев [11, с. 21].

Правительство пыталось взять под свой контроль организацию помощи беженцам и упорядочить вопросы ее финансирования. 30 августа 1915 г. был утвержден закон «Об обеспечении нужд беженцев», в котором впервые определены понятие «беженец» и круг учреждений, оказывающих им помощь. «Местное попечение о беженцах» возлагались на земские и городские учреждения под контролем МВД и Особого совещания по устройству беженцев [17]. Административный контроль усиливается в 1916 г. 2 марта 1916 г. министром внутренних дел А. Н. Хвостовым утверждены «Руководящие положения по устройству беженцев». В них уточнялась компетенция организаций помощи беженцам, контрольные функции администрации, размер и виды помощи [16].

В апреле 1916 г. на основании «Руководящих положений» при Петроградском градоначальнике было создано городское совещание по устройству беженцев из представителей администрации, местного самоуправления и благотворительных организаций [26, л. 21]. В циркулярной телеграмме товарища министра внутренних дел князя В. М. Волконского на имя столичного градоначальника от 5 апреля 1916 г. совещанию ставилась задача тщательного рассмотрения смет всех городских беженских организаций «дабы та или иная группа беженцев <...> не могла проходить по одним и тем же видам помощи» [26, л. 17–18]. Без утверждения сначала городского, а затем Особого совещаний беженские организации

не могли получить ассигнований из казны на продолжение своей деятельности. Это касалось как учреждений XII отдела, так и национальных комитетов.

В конце июня на повестку дня ставится задача: «разгрузка» Петрограда от беженцев. Циркуляром председателя Особого совещания по устройству беженцев от 29 июня 1916 г. сообщалось о создании при совещании «комиссии по обратному водворению беженцев» под председательством помощника Варшавского генерал-губернатора по гражданской части сенатора Д. Н. Любимова [26, л. 30]. Ей же поручалась и разработка плана эвакуации беженцев из Петрограда [3, с. 620]. Со стороны городских властей данная инициатива вызывала к себе двойственное отношение. С одной стороны, вопрос о выселении из города «лишних ртов» не вызывал принципиальных возражений. Поэтому участие городских представителей в работе комиссии Любимова признавалось желательным. С другой — высказывалось мнение о нежелательности принудительного выселения беженцев и предпочтительности постепенной ликвидации помощи им [28, л. 126 об. — 127; 192 об.].

Последняя позиция нашла свое отражение в специальном докладе, составленном в конце июля 1916 г. [22, л. 1–7]. Авторами доклада, скорее всего, являлись члены городского комитета ВСГ В. А. Герд и князь В. А. Оболенский (имеющийся машинописный экземпляр доклада не подписан) [28, л. 126 об.]. По их убеждению, комплексные меры по выселению из Петрограда добавочного населения, эвакуированных учреждений и предприятий могли бы несколько разгрузить столицу, «однако ни об одной из этих мер не имеется сколько-нибудь реальных данных». Единственным объектом принудительного выселения являются только беженцы. Но большинство из них более или менее обжились за годовое пребывание. «Они несколько успокоились, отдали детей в школы и приюты, ведут дела о возмеще-

нии понесенных убытков и все, кто могут, работают. <...> Полиция принуждена будет поголовно выселять всех беженцев; или она вовсе не справится со своей задачей и высылит ничтожное число первых попавшихся семейств» [22, л. 1–4].

Административным методам противопоставлены усилия XII отдела по «органической» ликвидации беженского дела: «По мере падения приезда беженцев были сначала свертываемы, а потом и вовсе закрываемы учреждения первоначальной помощи». Выработаны правила, «имеющие целью, чтобы все более или менее самостоятельное население <...> покинуло эти учреждения и перешло на более независимое положение. Эти меры ведут к значительному сокращению учреждений для женщин и детей и к переходу к системе платных углов и комнат». Приняты меры к полному прекращению въезда в Петроград экономически слабых беженцев [22, л. 5 об. –6].

Доклад был одобрен на заседании городского комитета 2 августа 1916 г. и представлен в Особое совещание по устройству беженцев и в комиссию Любимова [29, л. 32]. Однако он не остановил намерения правительства «разгрузить» столицу. В начале августа 1916 г. Отдел по устройству беженцев МВД обратился к Петроградскому городскому комитету ВСГ с предложением провести «возможно более подробное обследование призываемых беженцев». Особое внимание следовало обратить «на установление всех обстоятельств, которые указывали бы на настоятельную необходимость оставления того или иного беженца с сохранением казенного пайка в Петрограде». Одновременно предлагалось войти в сношения с губернскими администрациями и земствами тех районов, куда могли быть выселены беженцы. Для ускорения процесса «в изъятие из общего правила» допускалось направление беженцев без предварительного согласования с губернаторами места назначения [25, л. 5]. При этом въезд в Петроград новых беженцев не допускался.

Однако в конечном счете «разгрузка» Петрограда от беженцев проведена так и не была.

Массовое беженство стало непредвиденным гуманитарным последствием мировой войны, к которому ни правительственные, ни общественные организации оказались не подготовлены. Первый период деятельности муниципальных благотворительных учреждений помощи беженцам охватывает начальный год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). Приток беженцев был сравнительно незначительным, и заботы города в основном ограничивались предоставлением им на несколько дней крыши над головой через городское присутствие по разбору и призрению нищих. Помощь оказывалась за счет городского бюджета.

Второй период (вторая половина 1915 г.) характеризуется массовым наплывом в Петроград беженцев, которых пришлось принять свыше 100 тысяч. Большая часть прибывших летом — осенью 1915 г. беженцев прошла через городские учреждения. В момент наибольшего притока беженцев дело помощи им было передано в ведение городского и областного комитетов Всероссийского союза городов. Но в них принимали участие те же городские деятели (городской голова, члены городской управы, гласные Думы), а сами учреждения помощи оставались в городском ведении. Другие организации (Татьянинский комитет, национальные комитеты и др.) координировали свою деятельность с городом. При этом финансирование в большей степени стало зависеть от субсидий казны и Татьянинского комитета.

В третий период (начало 1916 — начало 1917 г.), с одной стороны, наблюдалось стремление правительства поставить под свой контроль деятельность общественных организаций, а с другой — усиливается желание городских властей избавиться от «лишних ртов». Устанавливается бюрократический надзор за беженскими организациями, в первую очередь, в области финансирования и контроля расходов.

Предпринимаются попытки организовать «разгрузку» Петрограда от беженцев путем ограничения прав на помощь, возможности приезда в столицу или выселения. Однако эти попытки ни к чему не привели.

Способность Петрограда «переварить» десятки тысяч неожиданных пришельцев, предоставить им пищу, кров, работу во многом зависела от усилий именно муници-

пальных благотворительных учреждений, которые заняли центральное место в деле помощи беженцам. Это оказалось возможным благодаря наличию муниципальной благотворительной инфраструктуры (сети попечительств, приютов, убежищ, ночлежных домов и т. п.) и принятым еще до войны методам оказания помощи («индивидуальная система»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баланс Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов на 1 января 1916 г. Пг., 1916. 177 с.
2. Беженцы на биржах труда // Петроградская газета. 1915, 30 июля. № 206.
3. В Совещании по устройству беженцев // Призрение и благотворительность в России. 1916, август. № 6. С. 620.
4. *Гатрелл П.* Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: Материалы Международного научного colloквиума / Под ред. Н. Н. Смирнова. СПб., 1999. С. 112–128.; Он же. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 4 (122). 2002. С. 46–73.
5. *Гуревич Л. Я.* Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915 гг. Пг.: Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, 1915. 107 с.
6. Известия Петроградской городской думы. 1915. № 19.
7. *Ильин А. В.* Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.) // Известия высшей школы. Серия «Правоведение». 1991. № 5. С. 49–55.
8. *Курцев А. Н.* Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999, август. № 8, С. 98–113.
9. Очерк деятельности Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов. Вып. I. Пг., 1916. 238 с.
10. Перепись беженцев в Петрограде. Пг.: Гос. тип., 1916. 89 с.
11. Петроград. Статистические данные, относящиеся к городу Петрограду и Петроградскому городскому хозяйству. Пг.: Гор. тип., 1916. 45 с.
12. Помощь беженцам // Вечернее время. 1915. 23 июля (5 августа). № 1186.
13. Помощь беженцам // Вечернее время. 1915. 24 июля (6 августа). № 1187.
14. Помощь беженцам // Вечернее время. 1915. 27 июля (9 августа). № 1190.
15. Распределительный пункт для беженцев // Петроградская газета. 1915, 1 августа. № 208.
16. Руководящие положения по устройству беженцев. Пг.: Тип. МВД. 1916. 16 с.
17. Собрание узаконений и распоряжений прав-ва. Отд. I. 1915, 1 сентября. № 242. Ст. 1842.
18. Справочник об организациях и учреждениях, оказывающих помощь беженцам. Пг.: Особый отдел Комитета е. и. выс. вел. кн. Татьяны Николаевны, 1916. Вып. 1. 191 с.
19. *Толстой И. И.* Дневник: В 2-х томах. Т. II. 1910–1916. СПб.: Лики России, 2010. 944 с.
20. *Утгоф В. С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2003. 183 с.
21. ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 1. Д. 36.
22. ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 1. Д. 68.
23. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 162. Д. 111.
24. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 453.

25. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 534.
26. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 2351.
27. ЦГИА СПб. Ф. 783. Оп. 1. Д. 199 А.
28. ЦГИА СПб. Ф. 783. Оп. 1. Д. 199 В.
29. ЦГИА СПб. Ф. 783. Оп. 1. Д. 199 Г.
30. *Цовян Д. Г.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2005. 216 с.
31. *Щеглова Л.* Беженцы в Петрограде // Призрение и благотворительность в России. 1915, октябрь — декабрь. № 6–10. С. 558–563.
32. *Щеглова Л.* Беженцы в 11-м попечительстве // Призрение и благотворительность в России. 1915, октябрь — декабрь. № 6–10. С. 564–568.

REFERENCES

1. Balans Petrogradskogo gorodskogo komiteta Vserossijskogo sojuza gorodov na 1 janvarja 1916 g. Pg., 1916. 177 s.
2. Bezhtentsy na birzhah truda // Petrogradskaja gazeta. 1915, 30 ijulja. № 206.
3. V Soveshchanii po ustrojstvu bezhtentsev // Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii. 1916, avgust. № 6. S. 620.
4. *Gatrell P.* Bezhtentsy i problemy pola v Rossii vo vremja Pervoj mirovoj vojny // Rossija i Pervaja mirovaja vojna: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma / Pod red. N. N. Smirnova. SPb., 1999. S. 112–128.; *On zhe.* Bezhtentsy v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny // Istoricheskie zapiski. 2002. T. 4 (122). S. 46–73.
5. *Gurevich L. Ja.* Obzor dejatel'nosti gorodskih popechitel'stv o bednyh za pervyj god vojny 1914–1915 gg. Pg.: Sovet po prizreniju semejlits, prizvannyh na vojnu, 1915. 107 s.
6. Izvestija Petrogradskoj gorodskoj dумы. 1915. № 19.
7. *Il'in A. V.* Ob Osobom soveshchanii po ustrojstvu bezhtentsev (1915 — fevral' 1917 g.) // Izvestija vysshej shkoly. Serija «Pravovedenie». 1991. № 5. S. 49–55.
8. *Kurtsev A. N.* Bezhtentsy Pervoj mirovoj vojny v Rossii // Voprosy istorii. avgust. 1999, № 8. S. 98–113.
9. Oчерk dejatel'nosti Petrogradskogo gorodskogo komiteta Vserossijskogo sojuza gorodov. Vyp. I. Pg., 1916. 238 s.
10. Perepis' bezhtentsev v Petrograde. Pg.: Gos. tip., 1916. 89 s.
11. Petrograd. Statisticheskie dannye, odnosjashchiesja k gorodu Petrogradu i Petrogradskomu gorodskomu hozjajstvu. Pg.: Gor. tip., 1916. 45 s.
12. Pomoshch' bezhtentsam // Večernee vremja. 1915, 23 ijulja (5 avgusta). № 1186.
13. Pomoshch' bezhtentsam // Večernee vremja. 1915, 24 ijulja (6 avgusta). № 1187.
14. Pomoshch' bezhtentsam // Večernee vremja. 1915, 27 ijulja (9 avgusta). № 1190.
15. Raspredelitel'nyj punkt dlja bezhtentsev // Petrogradskaja gazeta. 1915, 1 avgusta. № 208.
16. Rukovodjashch'ie položenija po ustrojstvu bezhtentsev. Pg.: Tip. MVD. 1916. 16 s.
17. Sobranie uzakonenij i rasporzjazenij prav-va. Otd. I. 1915, 1 sentjabrja. № 242. St. 1842.
18. Spravochnik ob organizatsijah i uchrezhdenijah, okazyvajushch'ih pomoshch' bezhtencam. Vyp. 1. Pg.: Osobyj otdel Komiteta e. i. vys. vel. kn. Tat'jany Nikolaevny, 1916. 191 s.
19. *Tolstoj I. I.* Dnevnik: V 2-h tomah. T. II. 1910–1916. SPb.: Liki Rossii, 2010. 944 s.
20. *Utgof V. S.* Belorusskie bezhtency Pervoj mirovoj vojny v 1914–1922 gg.: avtoref. diss. ... kand. istor. nauk. SPb., 2003. 183 s.
21. CGIA SPb. F. 261. Op. 1. D. 36.
22. CGIA SPb. F. 261. Op. 1. D. 68.

23. CGIA SPb. F. 513. Op. 162. D. 111.
24. CGIA SPb. F. 569. Op. 10. D. 453.
25. CGIA SPb. F. 569. Op. 10. D. 534.
26. CGIA SPb. F. 569. Op. 17. D. 2351.
27. CGIA SPb. F. 783. Op. 1. D. 199 A.
28. CGIA SPb. F. 783. Op. 1. D. 199 V.
29. CGIA SPb. F. 783. Op. 1. D. 199 G.
30. *Tsoyjan D. G.* Dejatel'nost' gosudarstvennyh organov i obshchestvennyh organizatsij po okazaniyu pomogi bezhencam v gody pervoj mirovoj vojny. 1914–1917 gg.: Avtoref. diss. ...kand. istor. nauk. M., 2005. 216 s.
31. *Shcheglova L.* Bezhentsy v Petrograde // Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii. 1915, oktjabr' — dekabr'. № 6–10. S. 558–563.
32. *Shcheglova L.* Bezhentsy v 11-m popечitel'stve // Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii. 1915, oktjabr' — dekabr'. № 6–10. S. 564–568.

Е. А. Деревнина

КОЛОМЕНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ МАРИИНСКОГО ВЕДОМСТВА: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В середине XIX в. в результате реформирования системы женского образования в России появился новый тип учебных заведений — женские гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии. Одно из главных их отличий от уже существовавших женских училищ, пансионов, институтов заключалось в том, что в них, по замыслу создателей, могли обучаться представители всех сословий общества. Возникновению подобных гимназий предшествовала активная дискуссия сторонников и противников всесословного женского образования. Автор статьи рассматривает историю создания одной из первых женских гимназий Мариинского ведомства — Коломенской.

Ключевые слова: образование, женская гимназия, Н. А. Вышнеградский, Ведомство учреждений императрицы Марии, всесословность.

Е. А. Derevnina

Kolomenskaya women's gymnasium of Mariinsky department: to the history of the educational Institution

In the middle of the XIX century, as a result of the reform of the system of woman's education, a new type of educational institution emerged in Russia — women' gymnasium of Empress Maria's department of institutions. One of the main differences of the gymnasium from the existing womens' schools, boarding schools and institutes was that all social estates could be trained there. Before of the emersion womens' gymnasiums, an active discussion of the supporters and opponents of women's education took place. This article examines the history of the foundation of one of the first of womens' gymnasiums of Mariinsky Department — Kolomenskaya Gymnasium.

Keywords: education, womens' gymnasium, N. A. Vyshnegradsky, Empress Maria's Department of institutions, estates.